

глобальные последствия – та приправа, без которой великолепно приготовленное блюдо под названием «жалоба в КС РФ» не привлечет внимание конечного «потребителя»-читателя, – делится Юлия Литовцева. – В жалобе «Т Плюс» мы максимально выпукло показали трагическую ситуацию, сложившуюся на шахте в г. Инте, и ее возможное развитие в случае непоставки энергоресурсов клиентом, а также то, что без внимания государства к обеспечению, в том числе правовыми средствами, предотвращения катастроф и гибели людей проблема не может быть решена. Это тоже, на наш взгляд, сыграло роль в признании текущего регулирования внеочередных платежей неконституционным...

Обоснование в жалобе причин неконституционного толкования спорной нормы судами позволило добиться формирования Конституционным Судом критериев и презумпций, подлежащих учету при оценке очередности платежей, связанных с предотвращением вышеуказанных последствий.

ССЫЛКИ В 154 СУДЕБНЫХ АКТАХ

– И, конечно, незаменимым подспорьем стали опыт и советы наших коллег, ведь «Пепеляев Групп» выиграла в КС РФ более 20 дел, – подчеркивает адвокат. – В итоге не только наш доверитель, но и любые лица, взаимодействующие с должниками-банкротами для предотвращения катастроф и гибели людей, получили дополнительные финансовые гаран-

тии. Более того, в первом чтении уже принят законопроект об изменении положений ст. 126 и 134 Закона о несостоятельности (банкротстве) во исполнение постановления Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 г. № 4-П.

Правительственным законопроектом № 212656–8 в ст. 134 Закона о банкротстве вводятся три новых пункта, которыми, в частности, предусматривается, что вне очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам погашаются расходы (включая расходы, осуществляемые в рамках обычной хозяйственной деятельности) на проведение мероприятий по снижению угрозы или недопущению возникновения техногенных, экологических катастроф и их последствий либо гибели людей, в том числе на опасных производственных объектах. Размер данных расходов должен соответствовать размеру минимально необходимых расходов для достижения указанных целей. При этом неустраиваемые сомнения в наличии обстоятельств, характеризующих реальность угрозы, толкуются в пользу ее наличия.

– А самым красноречивым подтверждением значимости этого кейса и востребованности его результатов, – резюмирует Юлия Литовцева, – стало то, что в 154 судебных актах, включая акты ВС РФ и КС РФ, принятых после 1 февраля 2022 г., содержатся ссылки на постановление Конституционного Суда, вынесенное по нашей жалобе.

Адвокат, преподаватель, ЯХТСМЕН

Сергей Краузе: «Со временем нам всем начинают мешать стереотипы»

Сергей Краузе – заметная фигура в адвокатском сообществе: председатель Комиссии АП Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов, советник Федеральной палаты адвокатов РФ. Но мало кто знает, что впервые с правом он столкнулся не в юридическом вузе, а будучи студентом инженерно-физического факультета. Уже имея техническую специальность, Сергей Краузе решил получить второе образование – юридическое и продолжить профессиональный путь в качестве адвоката.

БЕСЕДОВАЛА ЕЛЕНА СИДОРЕНКО
ФОТО МАРИЯ КАПИТАНОВА

В интервью «Российскому адвокату» Сергей Краузе рассказал о своих первых делах, о том, как ему удалось преодолеть эмоциональное выгорание, о парусном спорте и, конечно, о защите профессиональных прав адвокатов.

Сергей Владимирович, неожиданно, но первое свое высшее образование Вы получили в Ленинградском институте точной механики и оптики [ныне – Университет ИТМО]. Как так сложилось, что Вы поступили именно в этот вуз? Какой специальности там обучались?

– Получилось это в какой-то степени случайно. Я собирался пойти по стопам отца – учиться в ЛЭТИ [ныне – Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)]. Подал туда документы, сдавал вступительные экзамены. Лишь в последний момент передумал, забрал документы и отнес их в ЛИТМО, но никогда не жалел об этом выборе. Там я учился на инженерно-физическом факультете по специальности «Оптико-электронные приборы и системы». Надо сказать, что знания, полученные в процессе обучения, мне сильно помогли в дальнейшем. Например, при анализе заключений судебно-технических экспертиз наличие инженерной специальности давало мне серьезные преимущества. Более того, мне кажется правильным, когда юрист имеет еще и техническое образование. Знаю среди петербургских адвокатов многих «технарей», которые получали юридический диплом как второй.

– В какой момент Вы решили, что хотите обучиться юриспруденции и стать адвокатом? Как к Вам пришло это решение?

– Может показаться странным, но право мне нравилось всегда. А на выбор повлияло то, что у нас на четвертом курсе был предмет «Советское право», если я правильно помню название. Вел его преподаватель Федотов Олег Константинович, он умел великолепно рассказывать о праве. Впечатления от его занятий тоже повлияли на мой выбор. Когда я окончил

ЛИТМО, остался работать там же, в своей prima alma mater. В процессе работы собрался получить второе высшее образование в СПбГУ. Но для чистоты эксперимента я решил пройти по конкурсу, т.е. сдать вступительные экзамены, хотя мог этого не делать как имеющий высшее образование. И я поступил, несмотря на то что конкурс на юридический факультет был огромным. В процессе обучения я понял важность для юридической профессии знания логики и теории государства и права. Дипломную работу писал как раз по теории государства и права – единственный из всего потока.

Адвокатом стал, потому что мне всегда хотелось быть юристом, который выступает в суде. По окончании СПбГУ напрашивались два варианта – прокуратура и адвокатура. После некоторого размышления выбрал второй вариант, о чем не жалею. Любопытно, но среди выпуска нашего факультета в ЛИТМО в 1993 г. как минимум пять человек получили высшее юридическое образование, а трое стали адвокатами.

– Свою адвокатскую деятельность Вы начинали в качестве стажера адвоката в Международной коллегии

адвокатов «Санкт-Петербург». Расскажите, пожалуйста, подробнее, почему выбрали именно это адвокатское образование? Какими были Ваши первые коллеги, чему Вы у них научились?

– Стажером адвоката в современном понимании я никогда не был. На тот момент стажер не являлся работником, не состоял в трудовых отношениях с коллегией, бюро или адвокатом, учредившим адвокатский кабинет, как в настоящее время. Стажировка в 1996 г. не отличалась от полноценной работы адвоката без приставки «стажер»: мы сами заключали соглашения с доверителями и сами вели дела. Почему Международная коллегия адвокатов? Мне довелось пообщаться с Артемием Николаевичем Котельниковым, он был строгим и прямым человеком, и мне это очень понравилось, я не жалею, что 26 лет назад выбрал именно эту коллегия. Познакомился там и с Юрием Марковичем Шмидтом, уже очень известным в те годы правозащитником, воспитавшим многих грамотных адвокатов. Мне нравилось, что я мог обратиться за помощью к опытным коллегам, которые всегда готовы были поддержать молодых адвокатов. Особенно мне запомнились вице-президенты Владимир Робертович Шестопапов и Игорь Николаевич Сидельников, они часто бывали в коллегии, с ними было очень приятно говорить.

– Удивительный факт из Вашей биографии: в первый же год работы адвокатом Вы добились оправдательного приговора по делу о вымогательстве. Как считаете, что способствовало Вашему успеху? И если можно, немного подробностей о самом деле.

– Начну с самого дела. Это были 90-е, времена ларьков. Мой будущий подзащитный Рабаданов Ш. Ш. шел в баню на улице Ольги Форш. На углу с проспектом Просвещения

заметил потасовку возле одного из ларьков. Подошел к дерущимся и попытался разнять. Практически сразу его и других участников конфликта задержали. Надо сказать, что преступление там было. Владелец ларька ранее жаловался в милицию на вымогателей, один из которых в тот день пришел за «данью», после чего у них возник сначала словесный конфликт, потом драка. Милицейское следствие было заинтересовано в раскрытии группового преступления, поэтому Рабаданова Ш. Ш. сделали соучастником с ролью «следил за окружающей обстановкой». Меру пресечения тогда избирал прокурор района. Делал он это исправно, но, к счастью, предварительное и судебное следствие в то время не было долгим. Позиция защиты была четкой – никаких преступных действий обвиняемый не совершал. Потерпевший его ранее не видел, ударов он потерпевшему не наносил, а лишь отталкивал от другого обвиняемого. Калининский районный суд Санкт-Петербурга оправдал Рабаданова Ш. Ш. и приговорил второго подсудимого к лишению свободы условно. И виновный, и невиновный пошли домой в один день. Что помогло мне? Совершенно точно – то, что я не боялся что-то сделать

ЗА 25 ЛЕТ ИЗМЕНИЛОСЬ МНОГОЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ. ВО-ПЕРВЫХ, ДЕЛА СТАЛИ ОЧЕНЬ ОБЪЕМНЫМИ, ПРИЧЕМ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ИХ ЧАСТЬ – НЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, А РАЗЛИЧНОГО РОДА ПЕРЕПИСКА, ЗАПРОСЫ. ВО-ВТОРЫХ, СЕЙЧАС СУДЬИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ СТАЛИ МЕНЬШЕ СЛУШАТЬ ЗАЩИТНИКОВ, СОСТЯЗАТЕЛЬНость СТАНОВИТСЯ ВСЁ БОЛЕЕ ЭФЕМЕРНОЙ

не так. Со временем нам всем начинают мешать стереотипы, страх совершить нестандартный ход. А тогда я работал без оглядки на мнение других. Надо сказать, через несколько лет я узнал, что следователь, который вел дело, покончил с собой. Надеюсь, что это самоубийство не было напрямую связано с оправданием моего подзащитного.

– Какими вообще были Ваши первые дела? Сильно ли они отличаются от тех, с которыми Вы работаете сейчас?

– Хотя уже в первые полгода работы (как раз в период стажировки) я заключил два соглашения, преимущественно всё же занимался тогда защитой по назначению. Считаю, что это совершенно нормальная практика для начинающих адвокатов, не нужно бояться этого.

Насчет различий. За 25 лет изменилось многое, прежде всего в уголовном судопроизводстве. Речь не о том, что изменились категории дел, которые веду я, и даже не о том, что произошли трансформации в общей криминологической картине преступлений.

Во-первых, уголовные дела стали очень объемными. Раньше дело об убийстве могло уложиться в 2–3 тома, а сейчас пустяковые кражи занимают около 10. К сожалению, значительная часть – не доказательства, а различного рода переписка, запросы. Во-вторых, сейчас судьи по уголовным делам стали меньше слушать защитников, состязательность становится всё более эфемерной.

– Вы также много времени уделяете преподавательской деятельности и при этом активно применяете инновационные технологии в образовании. Что это за технологический процесс у юристов?

– Да, я непрерывно преподаю с 1996 г., причем не ad hoc, а на постоянной основе и с достаточно серьезной нагрузкой. Несмотря на значительный педагогический стаж, несколько лет назад получил дополнительное образование по специальности «Преподавание по основным и дополнительным образовательным программам». Регулярно повышаю свою квалификацию не только как адвокат, но и как преподаватель. Особенно приятно, что многие мои выпускники тоже стали адвокатами, из самых успешных – Никита Валерьевич Тарасов в Санкт-Петербурге, Рашит Рашитович Зиганшин в Москве.

Традиционно считается, что сфера образования достаточно консервативна, но инновационные технологии вполне применимы и там. Речь идет прежде всего об использовании интерактивных методик, которые очень эффективны в системе повышения квалификации, в том числе в области права.

— Кроме того, Вы успешно прошли подготовку на тренера по интерактивным методикам Американской ассоциации юристов. В чем заключались эти методики и насколько они подходят для внедрения в российскую систему?

— В 2009 г. я начал изучать интерактивные методики, которые интуитивно применял и ранее на занятиях со студентами. Эти методики особенно полезны для нас при использовании в юридических тренингах, направленных на выработку практических навыков, т.е. прежде всего в системе повышения квалификации. Разумеется, они подходят для российской системы, поскольку это всего лишь инструмент, а построение обучения происходит на базе российского законодательства.

— Вы также участвовали в подготовке адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. А Вы сами как часто оказываете помощь по системе БЮП или берете дела по принципу pro bono?

— В делах по системе БЮП я не участвовал. А насчет дел pro bono — доводится, но редко. Помню, ко мне обратилась одна пожилая женщина, пенсионерка, которая никак не могла добиться возбуждения гражданского дела — судья откровенно придиралась к ее исковому заявлению. Я пытался ограничиться консультацией, объяснить, что такое бывает на практике, нужно лишь исправить то, что хочет судья. Оплатить помощь по подготовке процессуальных документов доверитель не смогла бы. В итоге решил помочь безвозмездно, подготовил необходимые документы, сделал копии, объяснил, что и как нужно подать. Она поблагодарила и заплакала.

— Вы уже долгие годы являетесь председателем Комиссии АП Санкт-Петербурга по защите профессиональных прав адвокатов. С какими трудностями сталкиваетесь при решении вопросов, связанных с нарушением прав коллег?

ПРАКТИКА ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО НАРУШЕНИЕ ПРАВ ДОВЕРИТЕЛЕЙ ЗАЧАСТУЮ ПРОИСХОДИТ ЧЕРЕЗ НАРУШЕНИЕ ПРАВ АДВОКАТОВ. ОГРАНИЧИТЬ ВО ВРЕМЕНИ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА, ПОПЫТАТЬСЯ ДОПРОСИТЬ АДВОКАТА, ПОЛУЧИТЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ПРИ ОБЫСКЕ АДВОКАТА, ОТВЕСТИ ОТ ЗАЩИТЫ, ПОРОЙ ПРОСТО НЕ ДОПУСТИТЬ К ЗАДЕРЖАННОМУ — ВОТ ЧАСТЫЕ ПРИМЕРЫ

— Наверное, «долгие годы» — не слишком уместное определение, кажется, что это было только вчера, хотя в качестве члена Комиссии (позже — заместителя председателя) я состоял несколько лет. В перерыве одной из конференций Евгений Васильевич Семеняко и Юрий Михайлович Новолодский предложили мне возглавить Комиссию. За прошедшие годы удалось сделать многое. Одним из главных достижений считаю то, что были подготовлены и направлены в Законодательное собрание Санкт-Петербурга два законопроекта в сфере защиты профессиональных прав адвокатов. Регулярно проводятся лекции и конференции по нашей тематике, особую известность получила площадка «Петербургская трибуна», которую мы организуем не только в нашем городе: выездные конференции проходили в Пскове, Петрозаводске. Совместно с Анастасией Пилипенко мы создали тренинг по защите профессиональных прав, который проводили не только на площадке Института адвокатуры, но и в нескольких регионах на выезде: Краснодарском крае, Ростовской области и Ставропольском крае. Приятно, что на этот тренинг в Петербург приезжали адвокаты других регионов — из Пскова, Москвы, Иркутска. Постоянно обмениваемся опытом с другими регионами. Мы также создали чат для председателей региональных комиссий по защите прав адвокатов, что позволяет быстро делиться актуальной информацией.

Что касается трудностей. Мы регулярно обобщаем практику работы Комиссии, анализируем причины нарушений. Помимо очевидных всем факторов наблюдаем, что порой необдуманные действия самих адвокатов приводят к нарушению их собственных прав или даже прав их коллег. Получается иногда так, что адвокат обращается в палату за помощью, ему даются рекомендации, а он поступает иначе. Интересно, что примерно то же самое мы видим и в работе с доверителями.

— На Ваш взгляд, в чем заключается эффективность защиты профессиональных прав адвокатов?

— Если рассматривать защиту прав адвокатов в отрыве от защиты прав доверителей, сугубо абстрактно, то она не может быть самоцелью. Вместе с тем если бы права адвокатов не нарушались, то и результат нашей работы был бы никому не нужен. Но практика показывает, что нарушение прав доверителей зачастую происходит через нарушение прав адвокатов. Ограничить во времени ознакомления с материалами дела, попытаться допросить адвоката, получить конфиденциальную информацию при обыске адвоката, отвести от защиты, порой

просто не допустить к задержанному – вот частые примеры. Противодействуя таким нарушениям, мы тем самым защищаем интересы простых граждан. Часто при помощи Комиссии удается нивелировать или минимизировать последствия нарушений. Практика последних лет продемонстрировала, что шансы на восстановление нарушенных прав выше у тех адвокатов, кто обращается в комиссию. Примеров мы видим много не только в Петербурге.

– Еще одна тема, на которую Вы довольно часто высказываетесь, – эмоциональное выгорание. Насколько адвокаты подвержены этому явлению, насколько оно негативно сказывается на их деятельности? Было ли у Вас эмоциональное выгорание и в какой момент Вы это поняли, как боролись?

– Да, это большая проблема. Выгорание является одним из профессиональных рисков, оно препятствует также личностному развитию адвоката и совершенствованию его профессионализма. Получается парадокс: с одной стороны, именно на практике происходит рост специальных компетенций, с другой – повседневная работа как раз и приводит к выгоранию, которое может вызвать профессиональную деформацию.

Относительно себя я тоже стал замечать эмоциональное выгорание примерно на десятом году работы. Очень помогают активный отдых и занятия спортом, включая парусный.

– Вы уроженец и житель Санкт-Петербурга – города, который славится своим культурным и художественным наследием. Какое место в городе у Вас самое любимое и почему?

– Исторический центр Петербурга прекрасен, это общеизвестно. Если говорить о местах, особенно мне дорогих, то назвал бы два таких: Садовая улица неподалеку от Покровского сквера, где я жил, когда был ребенком, и Петроградская сторона, там я учился в ЛИТМО: много пройдено по этим улицам в студенческие годы.

– С рабочими визитами Вы посетили много городов России. Есть ли среди них те, которые

ВЫГОРАНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ. ПОЛУЧАЕТСЯ ПАРАДОКС: С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ИМЕННО НА ПРАКТИКЕ ПРОИСХОДИТ РОСТ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ, С ДРУГОЙ – ПОВСЕДНЕВНАЯ РАБОТА КАК РАЗ И ПРИВОДИТ К ВЫГОРАНИЮ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕФОРМАЦИЮ

оказали на Вас неизгладимое впечатление, и Вам хотелось бы вернуться туда снова?

– Наверное, не так много городов посетил, как хотелось бы. Из тех, в которых побывал, каждый по-своему пре-

красен, везде мне оказывали очень теплый и радушный прием. Одна из лучших поездок у меня была в Ростов-на-Дону, на родину моего деда. Я не знаю точно, где именно дед жил до войны, поэтому не смог посетить его дом, но с большим удовольствием ходил по набережной и улицам города, наслаждаясь видами. Набережная Дона с шикарной панорамой идеально подходит как для променада, так и для ужина в ресторане.

Ярким впечатлением был и осенний Красноярск, окруженный безумно красивой природой. Гостеприимные хозяева организовали нам ряд экскурсий, удалось посмотреть как город, так и знаменитые каменные столбы. В самом городе сильное впечатление на меня произвел памятник ленинградским детям, которые были эвакуированы в Красноярск в блокадные дни. Моя бабушка была блокадницей и тоже эвакуировалась с моим дядей, который был тогда ребенком, правда, они были вывезены не так далеко.

– Вы частый участник регат среди адвокатов. Как давно Вы увлекаетесь парусным спортом и чем он Вас изначально привлек?

– Парусным спортом я занимаюсь недолго, около двух лет. Я знал и ранее, что у нас в Петербурге проводились соревнования адвокатов, среди которых есть заядлые яхтсмены. Весной 2021 г. мы проводили в Петрозаводске «Петербургскую трибуну», после которой Андрей Павлович Закатов, президент АП Республики Карелия, пригласил гостей принять участие в адвокатской регате на Онежском озере в августе. Идея была настолько заманчивой, что мы практически сразу создали команду и приступили к тренировкам в Невской губе. Название команды «Невский ветер», которое придумал мой коллега (и бывший студент) Никита Валерьевич Тарасов, очень понравилось мне и остальным участникам – Екатерине Владимировне Алисиевич и Ларисе Александровне Панфиловой. Надо заметить, что благодаря слаженности и упорным тренировкам уже в августе мы смогли победить в двухдневной регате в Петрозаводске! На следующий год мы с группой адвокатов подготовили и провели в Петербурге регату «Белые ночи», на которую подали заявки 16 команд из многих регионов России. Тогда было решено сделать эту регату ежегодной.

Почему парусный спорт? Это очень красиво и романтично! Кроме того, помогает в борьбе с эмоциональным выгоранием. Как сказал кто-то из коллег, когда поднимаешься на борт, все проблемы остаются на берегу. Двухчасовой тренировки в неделю достаточно, чтобы чувствовать себя хорошо.

